

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Межкафедральный словарный кабинет
имени Б. А. Ларина

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Сборник статей к 100-летию со дня рождения
Б. А. ЛАРИНА

K1215246

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1993

Чайкина Ю. И. Семантическая деривация и причины архаизации и выпадения прямого значения слова : (на материале диалектных экспрессивов) / Ю. И. Чайкина // Вопросы теории и истории языка : [сборник статей]. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 187-192.

Ю. И. Чайкина

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И ПРИЧИНЫ
АРХАИЗАЦИИ И ВЫПАДЕНИЯ ПРЯМОГО ЗНАЧЕНИЯ
СЛОВА
(на материале диалектных экспрессивов)**

В последнее десятилетие значительное внимание уделяется изучению коннотативного аспекта лексического значения.¹ Исследование лексики на семном уровне привело к выделению в лексико-семантической системе языка особого объединения, эле-

© Ю. И. Чайкина, 1993.

¹ Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика / Отв. ред. В. П. Тимофеев. М., 1979; Телия В. Н. Вторичная метафора и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М., 1977; Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М., 1986; Шаховской В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания (учебное пособие по спецкурсу). Волгоград, 1983.

менты которого одни языковеды называют экспрессивами,² другие — эмотивами.³ Экспрессивы характеризуются тем, что в их семантике, помимо денотативных компонентов, выделяются еще коннотативные, иными словами, предметно-логическим семам сопутствуют экспрессивные, эмоциональные, оценочные.

В предлагаемой работе анализируется сегмент лексико-семантической системы говора с. Дмитриевское Череповецкого района Вологодской области, объединивший слова со значением личностных характеристик. Это относительно замкнутая микросистема, насчитывающая около 250 диалектных лексических единиц. Если учесть, что еще примерно половина множества представлена разговорными просторечными общерусскими словами,⁴ то приходишь к мысли о том серьезном внимании, которое уделяли носители говора нравственным проблемам, социальной оценке членов коллектива.

Задача работы — рассмотрение одного из способов образования экспрессивов — вторичной номинации (семантической деривации), а также анализ названий-характеристик, выпавших из состава семантических моделей.

Исследуемая микросистема объединяет экспрессивы, дающие разнообразную характеристику именуемых: одни указывают на внешние (физические) признаки лица, другие — на внутренние морально-этические качества. Почти все названия, за исключением нескольких слов, характеризуют именуемых с отрицательной стороны, что свойственно и другим говорам.⁵ Это явление объясняется особенностями русского народного характера (особым складом «лукавого», по словам А. С. Пушкина, русского ума): все положительное считается нормой и не требует особых языковых средств актуализации, отклонения же от нормы обязательно находят отражение в языке.

В исследуемом говоре способ семантической деривации обладал значительной продуктивностью. Анализируя названия лиц метафорического характера, можно выделить ряд семантических моделей, отражающих сопоставление элементов действительности, разных по степени близости. На первом этапе выделим четыре группы моделей: а) 'человек' → 'человек', б) 'животное (птица)' → 'человек', в) 'предмет' → 'человек', г) 'отвлеченное понятие' → 'человек'.

Непродуктивна в нашем говоре семантическая модель, представляющая собой сопоставление элементов, относящихся к одной или близким категориям денотатов. Модель 'человек' → 'че-

² Лукьянова Н. А. Лексико-семантическая группа 'человек ленивый' в диалектной системе (опыт семантического анализа) // Русская лексика в историческом и синхронном освещении / Отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск. 1985.

³ Шаховской В. И. Указ. соч. С. 42.

⁴ Лукьянова Н. А. Указ. соч. С. 60.

⁵ Там же. С. 59.

довек' характеризуется единичными примерами: *поползень* 'ребенок, который еще не ходит, но уже ползает по полу' → 'езде поспевающий надоедливый человек', *сусленник* 'грудной ребенок' → 'пьяница, алкоголик'. Малопродуктивная модель 'мифологический персонаж' → 'человек': *баянник* 'злой дух, живущий в бане' → 'некрасивый, уродливый человек', *леший* 'злой дух, живущий в лесу' → 'большой, крупный, неуклюжий человек' и др.

Близка к рассмотренным типам модель 'животное (птица)' → 'человек'. Субъект и объект метафоры характеризуются общим признаком одушевленности и относятся к разным, но достаточно близким семантическим сферам: *зарошница* 'упрямая лошадь' → 'неуступчивая, настойчивая женщина', *киж* 'короткий толстый червь' → 'ребенок' и др.

Самой продуктивной в исследуемом говоре является третья модель 'предмет' → 'человек', соотносящая реалии разных семантических категорий. Внутри модели выделяется ряд более мелких объединений: 'растение' → 'человек': *пестыш* 'полевой хвощ' → 'полный, здоровый ребенок', *чупарыш* 'шиповник' → 'навязчивый, нахальный человек'; 'пищевой продукт' → 'человек': *дробина* 'остаток от пивоварения' → 'тучная, болезненная, медлительная женщина', *мякинник* 'пирог' → 'полный, жадный до еды человек'; 'предмет домашнего обихода' → 'человек': *отопок* 'стоптанный башмак, обносок' → 'низкорослый, худощавый, невзрачный человек (иногда ребенок)', *костыг* 'палка, клюка' → 'худощавый, но крепкий человек (чаще о стариках)'. К этой же модели примыкает и перенос 'орудие (или продукт) труда' → 'человек': *загвозда* 'железный клин, вбиваемый в топориче для закрепления топора' → 'грузная, неповоротливая женщина', *стуколянка* 'пастуший барабан' → 'худая, тщедушная женщина' и др.

Всего несколько примеров иллюстрируют объединение 'абстрактное понятие (или явление природы)' → 'человек': *завидость* 'зависть' → 'завистливый человек', *жидель* 'жидкое вещество, грязь' → 'высокий, худощавый, тщедушный человек'.

Статистический подход к данному материалу помогает обнаружить регулярные семантические модели, к числу которых относятся 'предмет домашнего обихода' → 'человек', 'орудие (продукт труда)' → 'человек', 'животное (растение)' → 'человек'. Неактуальные модели — 'человек' → 'человек', 'абстрактное понятие / явление природы' → 'человек'.

Помимо экспрессивов, возводимых к той или иной семантической модели, в лексической системе говора выделяются две специфические группы. В их составе объединяются слова, выступающие только в значении личностных характеристик. Один из этих экспрессивов, утративших первичное значение, сохранили его в иных, обычно соседних, говорах, прямое значение дру-

гих в имеющейся в нашем распоряжении лексикографической литературе не отмечено.

К первой группе относится свыше сорока лексем. В названном говоре они бытуют только в значении лица, но лексикографические источники позволяют реконструировать их первичное значение. Думается вместе с тем, что далеко не все из этих слов подверглись процессу семантической деривации именно в нашем говоре. Возможны случаи пополнения его словами, уже утратившими первичное значение. Поскольку выявление подобных лексем весьма затруднительно, мы не ставим перед собой такую задачу. Перспективнее заняться рассмотрением причин архаизации и выпадения прямого значения у слов такого рода, хотя и по этому вопросу иногда можно высказать только некоторые предположения.

Одной из причин утраты первичного значения оказываются слабые, неустойчивые знания у носителей говора в какой-либо сфере духовной или материальной жизни, в частности, в христианской религии и конфессиональной литературе приводившие к забвению библейских образов и символики. Только в значении личностных характеристик бытуют в нашем говоре лексемы *сананал* 'бойкий, озорной парень, забияка, буян', *саламон* 'человек с круглым лицом, круглолицый', *фарисей* 'хитрый, ловкий человек', *пастырь* 'непутевый, никчемный человек', *аред* 'скупец, скряга' и др.

По мнению М. Фасмера, *сананал* — из фр. *sheparan* 'хулиган', стар. *sparape*, от нем. *Schnarrhahn* — то же (т. 3, с. 555). По нашему мнению, диалектное *сананал* (в архангельских говорах *сантрапал*) ведет свое происхождение от имени собственного одного из воинственных и жестоких правителей Месопотамии *Сарданапала*, упоминаемого в Библии. Апеллятив *саламон* также в конечном счете восходит к имени библейского царя *Соломона*, славившегося своей мудростью. Его имя в XIX в. использовалось в названии народной книги для гадания, на обложке которой был нарисован человек с совершенно круглым лицом, отсюда *саламон* 'круглолицый'. В таком значении слово отмечено и в вологодских харовских говорах.

Архаизировалось и выпало с течением времени первичное значение библейских лексем *фарисей* 'отщепенец, лицемер' (Фасмер, т. 3, с. 185), *пастырь* 'пастух', 'священнослужитель, руководитель паствы' (Фасмер, т. 3, с. 225), *аред* 'от библейского Иаред (Яред)' (Фасмер, т. 1, с. 85).

Утрата прямого значения может быть связана и с забвением языческих обрядов. Слово *кулема* выступает в наших говорах только в значении 'неряшливо одетая, растрепанная, неаккуратная женщина', между тем как в соседних вологодских кадиниковских еще в XIX в. удалось установить прямое: *кулема* — в святочных играх — 'небольшой пучок соломы, который бро-

сают на колени качающегося на качелях, он его подбрасывает ногами' (СРНГ, т. 14, с. 56—57).

Можно предположить, что разрыв со своей более южной прародиной, расположенной в Среднем Поднепровье, привел к тому, что слова *лань*, *ладья*, *дыня* стали выступать только в значении 'крепкая, здоровая, полная женщина', *комьяк* — 'грузный, неуклюжий ребенок'.

Затухание некоторых ранее активных промыслов и ремесел явилось другой причиной утраты или забвения первичного значения ряда слов. Широко известное в XVI—XVII вв. в южном Белозерье и Устюжне кузнечное дело привело к формированию терминов *крица* 'глыба железа, покрытая шлаком', из нем. *Kritze* (Фасмер, т. 2, с. 378), *тулка* 'втулка' (такую семантику слово сохранило в петерб., пск. диалектах — КСРНГ), *жом* 'тиски' казн. (СРНГ, т. 9, с. 214). В исследуемом говоре первые два слова бытуют в одном значении 'грузная, неуклюжая женщина', третье *жом* — 'скупой, скряга'. Сокращение охотничьего промысла привело к тому, что лексемы *недокунок* и *выпороток*, известные в других говорах как 'пушной зверь с еще неполноценной шерстью' прм. и 'недоношенный детеныш животного' сврдл. (СРНГ, т. 5, с. 331), в нашем говоре сохранили лишь вторичное значение: *недокунок* 'недоросль, глуповатый человек', *выпороток* 'ребенок, шалун, озорник'.

Обращает на себя внимание последовательное отсутствие первичного значения у слов рассматриваемого типа, заимствованных в древний период из других языков. Например, *оботур* в наших говорах 'упрямый, настаивающий на своем человек' («из тюрк. *bahadur* 'смелый'. Ср. казах. *äg batur* 'герой» — Фасмер, т. 1, с. 56); *хайдук* 'боевая, дерзкая, озорная девушка' («через укр. *гайдук* 'служитель, подручный', польск. *hajduk* 'легко вооруженный венгерский солдат; слуга, лакей' из венг. *hajdu* 'наемный солдат, судебный пристав, телохранитель' — Фасмер, т. 1, с. 383); *салтык* 'боевой, наглый, дерзкий' («вероятно, из тюрк., ср. уйг. *saltyk* 'подать'» — Фасмер, т. 3, с. 551); *пинда* 'грузная, неуклюжая женщина' (в карельских говорах *пинда* 'спина', 'слой жира на спине свиньи', в олон. 'верхний слой дерева' из карел. *pinnda* 'поверхность') и т. д.

Остаются неясными причины утраты первичного значения многих слов, относившихся в далеком прошлом к разным семантическим сферам, но в большинстве случаев — к бытовой лексике: *вошкарица* 'невзрачная, неприглядная женщина', 'гнида' (Даль без пометы — СРНГ, т. 6, с. 167); *кныш* 'ребенок, малыш', во влад., курск. говорах 'пшеничный хлеб' (СРНГ, т. 13, с. 346); *окоренок* 'плотный, здоровый, приземистый человек', в моск., калужск., тамб., твр., влад. говорах 'небольшая лохань' (СРНГ, т. 23, с. 153) и мн. другие.

Заканчивая рассмотрение группы экспрессивов, выпавших в ходе исторического развития из состава семантических моделей,

следует отметить, что и данные лексемы, бесспорно, входили в число элементов, образующих лексико-семантическое поле со значением личностной характеристики. Реконструкция же их первичного значения дает возможность воссоздать в более полном объеме словарный состав говора в древний исторический период.

И наконец, о словах (в нашем говоре их 14), зафиксированных в лексикографической литературе только в значении личностной характеристики: *снафида* 'бестолковая, глуповатая, без вкуса одетая', *чупа* 'небрежно одетая, неприглядная', *шопырь* 'молчаливый, необщительный человек', *тетюй* 'глухой старик' и др. По-видимому, какая-то часть этих слов изначально являлась личностными характеристиками.